етъ прыжокъ изъ міра необходимости въ міръ свободы». Въ какой мѣрѣ отношенія производства будутъ опредѣлять общественную жизнь людей въ этотъ счастливый періодъ коллективнаго труда и коллективнаго наслажденія? И не придется и сказать, что если въ начальномъ фазисѣ человѣчества установленію причиной зависимости между формами производства и циклопической идеологіей дикарей мѣшала «нелѣпость», царившая въ головѣ человѣка, то въ заключительномъ фазисѣ подобному же установленію причинной связи между экономикой и высоко развитой духовной жизнію будущихъ коммунистовъ помѣшаютъ какъ разъ высшая разумность и высшая свобода развитія, осуществленныя въ грядущемъ царствѣ людей — братьевъ?

Мы затронули здѣсь косвеннымъ образомъ другой очень важный пунктъ марксовской теоріи, который мы сейчасъ и подвергнемъ прямому изслѣдованію: это вопросъ о томъ, что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ «формы производства», какъ элементъ, опредѣляющій всевозможныя «надстройки». Поставьте, дѣйствительно, этотъ вопросъ марксистамъ, и вы сейчасъ же убѣдитесь, какъ противорѣчивы будутъ результаты этого вопроса. Надо ли разумѣть подъ упомянутымъ выраженіемъ исключительно технику? И слѣдуетъ ли понимать въ этомъ узко техническомъ смыслѣ столь часто цитируемую фразу Маркса изъ «Нищеты философіи»: «ручная мельница дастъ вамъ общество съ феодальнымъ сеньеромъ; паровая мельница — общество съ промышленнымъ капиталистомъ»? Немало есть, дѣйствительно, марксистовъ, которые на эти вопросы отвѣчаютъ утвердительно. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, напримѣръ, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Сорэль, указывая на неясный характеръ знаменитой фразы, склонялся самъ въ сторону болѣе широкаго истолкованія марксовскаго афоризма, приглашая читателей видѣть въ этомъ предложеніи указаніе не на одну только технику, но и на экономическія отношенія людей при данной техникѣ. Недавно и въ Neue Zeit нѣмецкій марксистъ, этнологъ Генрихъ Куновъ, полемизируя противъ Вейзенгрюна, призналъ технику «лишь однимъ изъ созидающихъ моментовъ способа хозяйства, — зачастую, правда, самымъ главнымъ, но не исключительнымъ». Мало того, развивая свою мысль, онъ ввелъ въ объясненіе экономической структуры не только технику, но и «природу», и «характеръ почвы», и «фауну», и «флору», и «географическое положеніе», и даже такой обнимающій небо, землю и преисподнюю элементъ, какъ «и прочее». А, сверхъ того, присовокупилъ, ради изображенія динамическаго процесса развитія техники, еще и такія условія, какъ, «перемѣну народомъ мѣстожительства», «увеличеніе народонаселенія», «измѣненіе въ характерѣ жизни сосѣдей», закончивъ и это перечисленіе опятьтаки многозначительными словами «и такъ далѣе». Это напоминаетъ какъ разъ подобное же расширеніе понятія о «формахъ производства» въ Письмахъ Энгельса, расширеніе, которое невольно вызывало въ умѣ внимательныхъ читателей такое соображеніе: если подъ этими формами вы разумѣете не только технику, но и природную обстановку, и географическое положеніе и населеніе не только данной страны, а и сосѣдей, и даже способъ жизни ихъ, «и прочее», то, дѣйствительно, вамъ нетрудно изъ отношеній производства вывести прочія отношенія людей. Но лишь почему? Потому что вашимъ «способомъ производства» вы охватили уже технику + всевозможныя природныя и общественныя условія данной страны и съ торжествомъ изъ этого цѣлаго выводите лишь часть его, — умозаключеніе, не дающее, ровно ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что вы уже допустили въ посылкахъ.

Возьмемъ также хотя бы Zusammenbruchstheorie, теорію фатальнаго крушенія капиталистическаго строя и фатальнаго перехода его въ строй соціалистическій, благодаря развитію великихъ общественныхъ противорѣчій: концентраціи средствъ производства и возрастанія богатства капиталистовъ на одномъ, такъ сказать, полюсѣ соціальной батареи; концентраціи пролетаріата и возрастанія его нищеты на другомъ. Опятьтаки въ какой мѣрѣ подлежитъ доказательству все прогрессирующій и прогрессирующій характеръ только что упомянутыхъ антиномій, завершающихся, наконецъ, рѣшительнымъ столкновеніемъ между